

СИНЕРГЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА

Исследуются механизмы появления новых художественных смыслов слова в поэтическом тексте с синергетической точки зрения. Вводится и объясняется понятие *синергетический текст*, дается образец синергетического анализа поэтического текста.

The author of the article examines the mechanisms of word new meanings appearance in a poetic text from synergetic point of view. The article explains term of *synergetic poetic text*, and gives the model.

Поэзия XX в. заметно отличается от поэзии предыдущих эпох. Для нее характерны не только новые темы, образы, видение мира, осознание особенностей своей эпохи, но также иной по сравнению с XIX в. поэтический язык, который стал реализовываться как сложная, часто экзистенциальная форма отражения действительности и самовыражения творящего сознания. Современная поэзия ориентирована на активные языковые поиски и языковые преобразования, для нее характерно внимание к языку, к пределам его возможностей. Это доказывается в работах Л.Я. Гинзбург (см. Гинзбург 1982), Л. Лосева (см. Лосев 1986), И.И. Ковтуновой (см. Ковтунова 1993), Л.В. Зубовой (см. Зубова 2000) и др.

Если в поэзии XVIII–XIX вв. слово в поэтическом тексте воплощало смысл, сформированный в предшествующих авторитетных текстах, то в XX в. появляется множество поэтических произведений, в которых значение слова порождается данным конкретным контекстом. Частотность

этого явления в современной поэзии позволила Л.М. Гаспарову (см. Гаспаров 1986, 191) утверждать, что возник новый троп – антиэмфаза – расширение и размывание значения слов. Это явление порождает двойное или множественное кодирование текста и тем самым предоставляет возможность разного понимания для разных субъектов восприятия.

Таким образом, в определенных поэтических текстах процесс формирования языкового значения получает экзистенциальный смысл, контекст расширяет и часто изменяет границы лексических и грамматических значений слова. В таких контекстах проявляются трансцендентные содержания, знаковая репрезентация которых ограничена возможностями языковой системы. Мы имеем в виду пространство доконцептуальных бессознательных содержаний, которое в русской традиции называли *Несказанным*. З. Фрейд определял его как *Оно* (Id), К. Юнг – как архетипы коллективного бессознательного, Л. Витгенштейн

называл *Высшее* (Hoheres), *Невысказываемое* (Unassprachliches) или *Мистическое* (das Mystische). Граница между сознательным и бессознательным человека относительна: несмотря на различия в сущностных свойствах языковых и трансцендентных содержаний, последние могут быть отчасти объективированы посредством когнитивного моделирования и способны проявлять себя в языке, в первую очередь в поэзии.

«Многое из того, что имеется в современной поэзии, возникало и отработывалось в различных литературных направлениях... Однако – подобно тому, как слово, не меняя звучания, может значительно менять свое место в языковой системе и свой смысл – художественный прием часто имеет другую природу и другие функции в новой парадигме мировосприятия» (Зубова 2000, 6). «Другая природа и другие функции» языковых преобразований в поэзии нам видятся в *синергетическом подходе* к проблемам языка, поскольку он позволяет по-новому посмотреть на механизмы появления новых смыслов. В синергетике проблема соотношения значения и смысла получает несколько иной ракурс по сравнению с традиционными научными взглядами. Мы разделяем точку зрения А.Е. Михневича: «Основываясь на методико-эвристической значимости синергетики, можно утверждать, что переход от парадигматически (словарно – в относительно устойчивом языковом сознании человека) и синтагматически (в линейной структуре предложения) упорядоченных значений к нелинейно самоорганизующейся и открытой системе смыслов высказывания есть синергетический... процесс. Беспредельность языка – в беспредельности возможностей перехода от значения к смыслу» (Михневич 2004, 41).

Синергетичность поэтического текста можно понимать в широком и узком смысле. В широком смысле каждое настоящее поэтическое произведение синергетично, поскольку оно предстает как совокупность выбранных автором жизненных ситуаций, облеченных в форму языка и «пропущенных» сквозь призму авторского сознания, которое при этом через текст взаимодействует с сознанием и личностью читателя, т. е. текст обретает смысл через механизм «раскодирования» его читателем, и у каждого читателя может возникнуть свое восприятие текста (информационное или нет, эмоционально-экспрессивное или нет и под.). Но такое понимание синергетичности ведет исследователя в тупик. Каждый компетентный читатель прекрасно знает, что существуют поэтические тексты «легкие» и «трудные» для восприятия, в одних почти все лежит на поверхностном уровне, другие для понимания требуют умственных усилий или специального анализа. Мы предлагаем объективные критерии для определения синергетичности текста, и эти критерии будут определять его синергетичность в узком смысле.

Синергетический текст – это текст множественного кодирования, содержащий глубинные, непосредственно не наблюдаемые смыслы и представляющий собой сложную совокупность внутритекстовых нелинейных отношений и процессов.

Наше исследование исходит из основного диалектического закона: увеличение количественных изменений меняет качество системы, в частности, чем больше в тексте маркеров синергетичности, тем сложнее (т. е. синергетичнее) поэтический текст. Грамматическими и текстовыми маркерами синергетичности текста являются следующие: 1) нестандартные синтагматические связи лексем; 2) окказиональное словообразование; 3) специфическое проявление грамматических категорий; 4) влияние означающего (фонетический облик слова) на означаемое (лексическое значение); 5) интертекстуальность; 6) дискурсивность; 7) лексикализация.

Синергетичность/несинергетичность текста определяется количеством и качеством таких маркеров в контексте. Для определения синергетичности текста нами вводится понятие *условная синергетическая плотность* (или *коэффициент синергетичности* – КС), которая определяется формулой A/N , где A – количество маркеров, N – количество строк. Основной единицей N являются 4 строки, так как в большинстве поэтических текстов наблюдается построфное деление в 4 строки. Иногда контекст составляет 3 или 6 строк. Но изменение параметра N в пределах двух строк составляет 0,16 единицы погрешности, что не может повлиять на объективность анализа.

Исследовав несколько тысяч поэтических контекстов, мы пришли к выводу, что критической точкой, за которой текст не представляет синергетической ценности, является $КС = 0,25$ (т. е. один маркер на 4 строки: $1/4 = 0,25$). Коэффициент синергетичности необходим, во-первых, для определения «границы» между синергетическими и несинергетическими текстами, во-вторых, для анализа степени синергетичности поэтического текста. Чем больше соотношение A/N , тем синергетичнее текст.

Приведем пример синергетического контекста: *Косматая звезда, / Спешащая в никуда / Из страшного ниоткуда* (М. Цветаева).

В данном контексте выявляется два типа маркеров: 1) нестандартная синтагматическая связь: *косматая звезда, страшное ниоткуда, звезда спешащая*; 2) субстантивация наречий *в никуда, из ниоткуда*. В трех строках выявляется 5 маркеров, таким образом, коэффициент синергетичности данного контекста равен 1,67.

Пример несинергетического текста: *На неизвестном полустанке, // От побережья невдали, // К нам в поезд финские цыганки // Июньским вечером зашли. // Хоть волосы их были русы, //*

Цыганок выдавала речь // Да в три ряда цветные бусы // И шали, спущенные с плеч. // Блестя цепочками, серьгами // И споря пестротой рубах, // За ними следом шли цыгане // С кривыми трубками в зубах (С. Маршак).

В данном контексте на 12 строк фиксируется лишь один маркер синергетичности – нестандартная синтагматическая связь *споря пестротой рубах*, таким образом, коэффициент синергетичности данного текста – 0,08.

Безусловно, данная формула (как любая формула в отношении поэзии) не может полностью отразить трансцендентные содержания, поскольку в синергетическом тексте закодирована область бессознательного автора и читателя, почти не поддающаяся объективной вербализации. Кроме того, для объективности анализа имеет важное значение не только количество маркеров, но и их «качество», а именно: повторяется один тип маркеров (например, несколько нестандартных синтагматических связей) или это разные типы. При этом и один тип маркеров может иметь разную степень влияния на синергетичность текста, например, интертекстуальные взаимодействия поэтических текстов выражаются по-разному: от имплицитных, глубоко скрытых в подтексте, до явных прямых цитат. Но предлагаемое определение синергетичности текста, на наш взгляд, позволяет в значительной степени преодолеть субъективность его восприятия, научно разделить синергетические и несинергетические тексты.

Таким образом, *синергетический текст* – это текст с коэффициентом синергетичности не менее 0,25. Чем выше данный коэффициент, тем синергетичнее текст.

Лингвосинергетика имеет свой понятийный аппарат исследования. Поясним некоторые основные термины. 1. *Диссипативная структура* – когерентное взаимодействие языковых единиц, в результате которого рождается новый смысл. 2. *Бифуркация* – возможность системы реализовывать разные смыслы у одной и той же совокупности языковых единиц. 3. *Аттрактор* – направление поиска смысла и приписывание выражению определенного смыслового содержания. Аттрактор выявляется в переходе от анализа стабильного значения слова к рассмотрению изменчивого содержания высказывания. 4. *Семантическая фракталь* – группировка возможных смыслов вокруг смыслового инварианта.

Рассмотрим механизм появления новых смыслов в следующих строках Б. Ахмадулиной: *Меня заманивали в глубь // чужих печалей, свадеб, вздоров*. В двух строках фиксируется один грамматический маркер – нестандартная синтагматическая связь лексем, таким образом, КС = 0,5. В данном выражении проявляется словарное значение глагола *заманить* – «привлекая чем-нибудь, завлечь» (Ожегов 1988, 172). Точка бифуркации находится между первой и второй

строкой: *заманить в глубь чего?* Именно здесь возникает диссипация нового смысла. Существительные отражают разные ипостаси реальной жизни, в которой есть и печали, и радости, и бессмысленность. Форма множественного числа существительных усиливает ту чуждую «круговерть», которая страшит лирическую героиню и которой она сопротивляется, но, видимо, не всегда успешно. Почему страшит? Потому что там все – *чужое* и туда *заманивают*. Словарные значения этих слов дают направление аттрактору: если есть чужое, то должно быть и свое? Есть понимание «своего» в широком смысле слова, т. е. это не только именно твое, принадлежащее тебе, но близкое, родное, созвучное твоей душе, твоему мировоззрению и пониманию бытия. В «свое» идешь сам, и идешь не задумываясь. Возможно, и в «своем» есть вздоры, но они – другие вздоры, и другие печали, и другие свадьбы. Проживание не своей жизни – не такой уж редкий сценарий, а сила сопротивления чужому – это, возможно, и есть сила духа сильной личности. Ни одна лексема в отдельности в данном выражении не несет такие смыслы, они возникают синергетически при взаимоналожении разных сем значений в конкретной точке бифуркации.

Важный грамматический маркер синергетичности поэтического текста – окказиональное словообразование. Сама структура новообразованного, представляющая собой морфологическую сторону смысла, порождает новый смысл. Образование и функционирование окказионального слова в поэтическом тексте является сложным диссипативным процессом, поскольку представляет собой процесс означивания определенных содержательных структур сознания и подсознания автора, означивания индивидуально-авторских концептов и превращения их в языковые знаки, несущие особые смыслы.

Рассмотрим роль окказионального глагола в рождении новых или дополнительных смыслов в следующих строках из стихотворения А. Вознесенского «Возвращение в Сигулду»: *Отшельничаю, берложу, // отлеживаюсь в березах, // лужаечный, можжевельничий, // отшельничаю...* В данном четверостишии выявляется три маркера синергетичности текста: окказионализм *берложу* и две нестандартные синтагматические связи: (*я*) *лужаечный*, (*я*) *можжевельничий*. Коэффициент синергетичности равен 0,75. Весь лексический ряд стихотворения отражает тему сознательного, желаемого одиночества лирического героя. «Отшельник – 2. *перен*. О человеке, чуждающемся других, живущем уединенно» (Ожегов 1988, 391). Окказиональный глагол *берложу* углубляет этот смысл, так как содержит сему закрытого, ограниченного, тесного пространства, поэтому первая строка выражает как будто тяжелое, удручающее, депрессивное одиночество героя. Именно

оказациональны глагол *берложу* является отправной точкой всего изложения, задает, так сказать, «интригу» всего последующего. Далее, за счет словарных значений остальных лексем аттрактор разворачивается во фракталь «светлое одиночество» – одиночество в березах, где лирический герой сам становится *лужаечным, можжевельничим*. Ему нравится такое отшельничество, он очищается природой от суеты жизни, предчувствуя нового себя и, значит, новое, светлое в своей жизни. Диссипация происходит за счет противопоставления значений *отшельничая, берложу* в первой строке и значений лексем в последующих строках. Причем смысл глагола *отшельничая* в первой строке (фракталь «темное одиночество») отличается от смысла, появившегося у этого глагола в последней строке (фракталь «светлое одиночество»).

Таким образом, синергетический текст – это текст, содержащий непосредственно не наблюдаемые смыслы, отражающий не результат, а процесс мышления и восприятия, «поток сознания». Такие тексты требуют особого синергети-

ческого анализа, который, по нашему мнению, наиболее адекватно способствует вербализации закодированных смыслов.

ЛИТЕРАТУРА

Гаспаров М.Л. Историческая поэтика и сравнительное стиховедение (проблема сравнительной метрики) // Историческая поэтика: итоги и перспективы изучения. М., 1986. С. 188–209.

Гинзбург Л. Я. О старом и новом. Л., 1982.

Зубова Л. В. Современная русская поэзия в контексте истории языка. М., 2000.

Ковтунова И. И. Теоретические вопросы // Очерки истории языка русской поэзии XX века: Грамматические категории. Синтаксис текста. М., 1993.

Лосев Л. Чеховский лиризм // Поэтика Бродского: Сб. ст. Tenaflly, 1986. С. 185–197.

Михневич А. Е. Значение – смысл: диссипативный процесс // Русский язык: система и функционирование: Материалы Междунар. науч. конф. (Минск, 18–19 мая 2004 г.). Мн., 2004. Ч. 1. С. 39–42.

Ожегов С. И. Словарь русского языка: ок. 57 000 слов. 20-е изд., стер. М., 1988.

Поступила в редакцию 14.03.10.

Елена Юрьевна Муратова – кандидат филологических наук, доцент кафедры общего и русского языкознания ВГУ им. П.М. Машерова.